

Энайк омыл руки в морской воде. Они были слегка обожжены. Он лопнул волдыри и промыл их соленой водой. Он тер свои раны солью, слегка морщась от боли. Его руки обожгла его же молния.

"В который раз это было даже не тренировкой для тебя, Энайк".

Борамор разразился смехом.

Поединок закончился в один миг. Молния Энайка вонзилась в тело Лонкенни до того, как тот даже успел выпустить хотя бы один огненный шар изо рта.

Попав под удар молнии, огненный шар, находившийся у него во рту, взорвался и разнес голову вдребезги.

Разница в боевой мощи была слишком велика. Скорость, точность, разрушительная сила... Энайк во всем превосходил силу Лонкенни.

"Да, если я хочу, чтобы ты приобрел некоторый боевой опыт, этого будет недостаточно. Может, в следующий раз попробуем один на один?".

Борамор встряхнул свои одежды и выбросил в море тело Лонкенни. Оно отплыло на некоторое расстояние и вскоре скрылось из виду.

"Это не имеет значения".

Энайк безразлично ответил:

«Тебя это и глазом моргнуть не заставило, да? Вот уж правду говорят, что у страха глаза велики. Я и то с боковой линии мурашки по коже бежали. Просто рожденный убивать».

Борамот счастливо улыбнулся, говоря это.

Энайк уже победил в четырех подобных матчах. Теперь для него все было что-то вроде охоты.

«Ну, иди дальше спи. Завтра еще будет».

Вытирая руки о штаны, Энайк сказал Борамоту:

«Борамот. Я хочу снова посмотреть книгу о Хамьюте».

Смутившись, Борамот позвал Энайка пальцем.

Энайк ступил в бревенчатый домик Борамота. Там была уютная хлопковая кровать, немытая тарелка с супом и разбросанные кусочки белого хлеба. Это было несопоставимо с условиями жизни группы Энайка. Это была человеческая комната.

«Ты и правда жаждешь знаний. Так сильно ждешь того дня, когда убьешь Хамьюта Месету?»

Вымолвив это, Борамот положил на стол небольшой ящик и извлёк из него несколько фрагментов Книг.

То были обломки Книг людей, загубленных Хамьюц Месетой. Их принёс Ганбанзель для группы Эйнлика.

Эйнлик коснулся одного из них.

Это была Книга вооружённого Архивариуса по имени Хайза.

Хайза мчался сквозь дремучий лес. Он бежал быстро, и не только. В беге он уклонялся от атак, летящих со всех сторон. Его физические способности далеко превосходили таковые Эйнлика. Он пугал своей скоростью, проворностью и, вместе с тем, полным отсутствием лишних движений. Если бы Эйнлик в своём нынешнем состоянии сразился бы с Хайзой, его шансы на победу были бы невелики. Он вполне мог погибнуть от выстрела, прежде чем успел бы выпустить свой Разряд.

«Чёрт возьми! Где же ты, Хамьюц?!»

Вооруженный библиотекарь Хайза был в розыске. Он продал конфиденциальную информацию, которую он получил как Вооруженный библиотекарь, в разведывательное агентство некоторой страны. Из-за их рода деятельности тем, у кого была эта информация, эквивалентная государственным секретам, не разрешалось передавать ее какой-либо стране или организации.

Тот, кто был послан убить его, была Хамитс Месета.

Хотя эта еще молодая - ей было всего 22 года - женщина была новичком среди вооруженных библиотекарей, все уже знали о ее боевой силе.

“Где ты? Где ты, Хамитс?!”

Тот, за кем гнались, был Хайза. Однако именно он физически гнался за ней.

Когда началась битва, Хамитс внезапно повернулась и убежала. Она атаковала его, спасаясь бегством. Это была обычная тактика Хамитс.

Хайза погнался за ней. Она атаковала во время бегства, а он гнался за ней, защищаясь. Хотя Хайза был быстр, Хамитс была непомерно быстрее.

Но все равно надо было догнать. Для него, владеющего огнестрельным оружием, эффективная дистанция стрельбы составляла около 150 метров. Пока он не приблизится к цели на это расстояние, он даже не сможет атаковать.

— Гво!

Хайза покачнулся, из икры хлынула кровь. Хамьюц попала в артерию, но не остановилась. Снова последовала атака без промедления.

Сколько же их было уже? Гальку швыряли с силой, придавая ей вращательное движение, и она летела, словно извиваясь, как змея. Спереди, сбоку, сверху. Атаки настигали и сзади, хотя гнаться за ней предстояло ему.

Если бы в него выстрелили всего один-два раза, он наверняка сумел бы избежать попадания. Но если стрелять десятью, одна или две пули все равно заденут. Если выпустить в него сотню пуль, то десять или двадцать их заденут, и одного-двух попаданий будет достаточно для смертельной раны.

Ему предстояло убить её, прежде чем самому погибнуть. Однако Хамуц была уже более чем в 500 метрах от него. Он не мог определить, где она находилась. Хаиза полностью утратил все

шансы нанести удар.

После этого его жестоко пытали до смерти.

Его щёки были изрезаны, плечи ободраны, бок выпотрошен, а ноги оторваны.

Наконец, когда его голова была раздавлена, дождь из каменных пуль прекратился.

Таков был сценарий неопровержимых побед Хамуц: односторонняя атака за пределом досягаемости и ожиданий врага. Попад в эту ловушку, независимо от того, насколько могущественный противник ей противостоял, он будет замучен до смерти в бою, который не может быть назван сражением.

Обе его ноги были разорваны, а ружьё снесено взрывом.

Перестав сопротивляться, Хаиза возвёл взор к небу.

«...Как ничтожно».

В какой-то момент к нему присоединилась Хамьюц. Она посмотрела на него сверху вниз, словно загораживая ему обзор неба. Улыбка, которую увидел Хайза, была лучезарной улыбкой змеи, поймавшей свою добычу.

"С твоей нынешней силой ты все еще не соперник Хамьюц", - сказал Борамот Энлайку, который коснулся книги.

"Однако, если ты последуешь за Ганбанзелем-сама, обязательно наступит день, когда ты сможешь ее убить. Никогда не сомневайся в этом".

" ... "

Энлайк ничего не сказал. Его пальцы коснулись следующей книги.

Второй фрагмент книги принадлежал солдату. Он был низкорослым солдатом Имперской Армии Гвинбекса. После вторжения в соседнее королевство Рона Имперская Армия Гвинбекса получила приказ о прекращении огня от Агентства текущего управления. Однако высшее командование армии в одностороннем порядке нарушило его и возобновило наступление. Один из отрядов Имперской Армии столкнулся с Хамьюц, которая была размещена там в качестве инспектора по прекращению огня.

Уже не первый год солдаты знали фамилию Хамюрц. Тем не менее, одинокая девушка, орудующая рогаткой, не могла быть сравнима по мощи с истребителями, танками или волшебниками из спецотрядов. Это понимали как высшие чины, так и рядовые.

Их стратегия была типичной для обороны против Хамюрц: защищаться крепкими укреплениями, а ее саму бомбардировать с воздуха, чтобы обездвигнуть. Они намеревались выжечь все дотла там, где бы она ни оказалась.

Когда началось сражение, все самолеты, пушки, развернутые внутри укрепления, и пушки танков обстреляли ее одновременно. Во время этого обстрела Хамюрц вообще не оказывала никакого сопротивления.

Когда бомбежка наконец прекратилась, вперед выдвинулись танки.

И как раз когда танковый корпус приблизился к Хамюрц...

Внезапно загорелись самолеты в небе и рухнули. Они упали прямо на танковый корпус на земле.

Наконец, что-то огромное пролетело и ударилось о стену форта. Это был ствол танка.

Этот ствол пушки, предназначенный для стрельбы пулями, сам стал пулей. Это выглядело как полная шутка.

Затем последовали гусеницы, двигатель, башня, а в качестве завершающего удара — искореженные и разбитые трупы танкистов.

Эти трупы были прилеплены к стене форта и превратились в хлипкий материал, который больше не имел никакой человеческой формы.

Солдаты начали паниковать при виде этого ужасного зрелища.

Они поняли, что Хамьюц разобрала танк и швырнула его части, как будто это были камешки. Солдаты осознали свое прежнее недоразумение. У них не было подавляющего преимущества в ресурсах. Оно было у Хамьюц, поскольку она могла использовать все вокруг себя как оружие. Пушечные ядра летели одно за другим — части танка, части истребителей, валуны, разорванная на куски колючая проволока, а также мешки с песком и бревна, которые использовались для окопов.

== Перевод на РУССКИЙ ЯЗЫК:

Эти атаки, просто благодаря своей массе и скорости, были сильнее других, потому что они были очень простыми.

Последнее, что увидел солдат, владевший Книгой, была парящая выше человеческая фигура.

Он пытался улететь на своем самолете, но внезапно потерял управление и вошел в штопор.

Ты издеваешься? Эта женщина сбивала самолет на лету?

Это было последнее, что он увидел.

Энлайк прочитал несколько Книг о людях, убитых Хамьюцами.

— Я вернусь и посплю.

Сказал Энлайк, закрывая крышку гроба.

— Энлайк, с кем бы ты хотел сразиться дальше?

Спросил Борамот.

— Мне все равно.

— Понимаю. Каждый на этом острове является твоей добычей, да? Нет нужды торопиться.

Борамот замолчал и улыбнулся.

— Разве это не забавно, Энлайк? Развлекайся все больше и больше. В конце концов, ты делаешь это ради Ганбанзель-сама.

Ничего не сказав, Энлайк открыл дверь и вышел.

Пройдя до самого пляжа, Энлайк остановился. Это было в том месте у моря, где исчез Лонкенни. Он вспомнил их поединок, который произошел там. Выражение лица Лонкенни, едва не выпущенный огненный шар и поразившая того молния — Энлайк вспоминал их по очереди, глядя в темное море.

— Попробуй улыбнуться.

Энлайк пробурчал и заставил свое лицо скорчиться. Он неуклюже приподнял уголки рта. Его брови причудливо изогнулись. Глаза неестественно сузились. Это была отнюдь не улыбка, а скорее какое-то нелепое выражение.

— Улыбнись, хочу улыбнуться.

Энлайк пробормотал и стал силой искажать лицо, пытаясь улыбнуться.

Но это была не улыбка. Это была фальшивая улыбка, такая же, какую он носил на корабле, до встречи с Ганбанзелом.

— Снова не то.

Пробормотав это, Энлайк перестал пытаться улыбаться. На его лице вновь отразилось прежнее мрачное выражение.

— ...Снова недостаточно.

Он схватился за голову.

Все на этом острове неправильно поняли Энайку. Борамот, Кайас, Лонкенни и Сасари – все они ошибались. Они называли его прирожденным убийцей и тем, кто любил сражаться больше всего на свете.

Однако Энайк ни разу не находил сражение приятным.

Когда он преуспел в Магической Делиберации и смог выстрелить молнией, когда он впервые убил одного из своих товарищей, и следующего, и следующего, и даже сейчас – он совсем не наслаждался этим.

Если бы он сказал это кому-нибудь, они были бы шокированы. На острове уже хорошо знали, что он любил сражаться.

Однажды Ганбанзель сказал, что сражения и убийства – лучшие из радостей. И теперь Борамот велел ему наслаждаться убийством.

Энайк хотел это сделать от всего сердца. Даже он не мог понять, почему ему это не нравилось.

Почему он не мог улыбнуться?

Энкай вспоминал лицо Хамюц, которое он видел раньше. Когда она убила Хайзу, Хамюц улыбалась. Вероятно, она так же улыбалась и тогда, когда уничтожила Имперскую армию Гинбекса.

Та отвратительная, отталкивающая улыбка. Почему он не мог улыбаться, как Хамюц?

Он хотел попытаться спросить её. Почему она могла улыбаться? Чем ей нравилось заниматься? Каково это – наслаждаться чем-то?

Он хотел, чтобы кто-то сказал ему – что он может сделать, чтобы улыбнуться?

Энкай посмотрел на небо. Он увидел, что полная луна, висевшая в небесах, клонилась к закату. Он увидел, что звёзды мерцали в небе. Однако Энкай не мог думать о них, как о чём-то красивом.

На следующее утро, естественно, нигде не было видно Лонкенни. Однако никто об этом не говорил. Говорить об учебно-боевой практике было табу в их группе. Это было потому, что одно упоминание об этом внушало страх и разрушало равновесие в их сердцах. Они лишь время от времени обменивались взглядами, полными страха и отчаяния.

"... Каяс-сан. Что мы будем делать с излишками?"

Кумола пробормотала, кипятив воду:

— ...Тебе это съесть.

— Но это ведь плохо, — ответил Каясу.

— Тогда что нам делать?

— ...Потому что это доля господина Лонкенни, я отдам ему.

Сказав это, Кумола вернула его в бумажную упаковку.

— Кумола, Лонкенни уже...

Каясу попытался что-то сказать, но сдержался. Глядя на костер, они оба ощутили молчаливую печаль.

Энлайк уставился на них. Внезапно Кумола подняла голову. Тут она заметила, что Энлайк смотрит на нее.

— Э-эм, что-то случилось? — спросила Кумола, испуганная. Энлайк вдруг подумал, что она напоминает мышь: ее размер, атмосфера вокруг нее и то, как она ест остатки еды.

— Мне от тебя ничего не нужно, — произнес Энлайк. Сжавшись, Кумола ускользнула от него. Кстати, впервые он наблюдал за ее действиями. До этого он относился к ней равнодушно, словно она был всего лишь камешком на обочине.

Почему сегодня его вдруг охватило любопытство в отношении нее? Размышляя об этом, Эндлайк вспомнил, что произошло прошлой ночью. Лонкенни говорил о Кумоле. По какой-то причине он упомянул ее, отдавая Эндлайку морскую раковину. Эндлайк, закончив есть, вернулся в пещеру. Он положил раковину, которую получил вчера, в висячий гамак. Он обыскал гамак, которым пользовался. И вдруг он услышал голос позади себя. "Эндлайк. Что это?" Когда Эндлайк повернулся, он увидел Кайаса. Тот спал в гамаке рядом с ним в той же пещере. "Морская раковина". Эндлайк ответил, показывая ее. Подняв бровь, Кайас спросил еще раз. "Она принадлежит Лонкенни. Почему она у тебя?" "Он отдал ее мне прошлой ночью". Эндлайк ответил честно. Ему нечего было скрывать. "Понятно, значит, это ты..."

Мгновение глаза Кайаса пылали ненавистью. Но вскоре он отвернулся, будто отпуская гнев. Это было очевидно. Как бы он ни был зол, он не смог бы убить Энлайка своей силой.

— Ну?

Энлайк показал Кайасу ракушку.

— Разве не очевидно из вида? Это ракушка.

— Что я должен с ней делать?

— Что он сказал?

— Он сказал передать ее Кумоле.

— ...Так и поступи. Просто отдай ей.

Энлайк все еще не понимал.

— Зачем?

— Ты что, глупый? Кумола будет рада. Девушкам нравятся милые вещи.

Энлайк не понимал.

— Мы иногда так делаем. Ракушки, красивые камни, перья птиц... Если мы находим необычные вещи, то отдаем их Кумоле.

— Не понимаю. Есть ли в этом смысл?

Энлайк покачал головой.

— Если ты не понимаешь — неважно. Это не твое дело. Передай. В любом случае, ты, скорее всего, не захочешь ее передавать.

Энайлик немного поколебался. Он был немного заинтересован, но ни Кумола, ни ракушка не имели к нему никакого отношения. Он бросил раковину Каясу.

Тут кто-то позвал их из входа в пещеру.

“Каяс-сан. Энайлик-сан. Пора на Прорицание Магии.”

“Кумола, иди сюда на секунду.”

— подозвал Каяс.

“Что такое?”

“Возьми это.”

Каяс взял маленькую руку Кумолы и положил в нее ракушку. Она взглянула на нее с немного удивленным выражением.

“Такая красивая.”

пробормотала Кумола и нежно погладила ракушку кончиками пальцев.

“Такой цвет, наверное, редкость.”

“Да. Большое тебе спасибо, Каяс-сан.”

“...Нет, поблагодарить нужно Лёнкенни.”

“Лёнкенни-сан?”

В этот момент Энайлик увидел – пока Кумола ласкала ракушку, она начала слегка улыбаться. Даже Каяс, стоявшая перед ним, начала так слабо улыбаться, что сама Кумола этого не заметила.

Энайлик был ошеломлен, но не потому, что ее лицо казалось прекрасным.

Из-за того, что ее лицо совпадало с выражением лица Релии, запечатленным в его сознании.

Та улыбка продлилась мгновение. Затем лицо Кумолы вернулось к прежнему выражению.

“Что с тобой, Энлайк?”

Каяс обратился к погруженному в себя Энлайку.

"...Ты улыбнулся".

Пробормотал Энлайк. Он уставился на Каяса с озадаченным выражением.

"Что ты говоришь? Пойдем. Этот мерзавец нас ждет".

Энлайк совсем не подумал об этом. Она улыбнулась. Перед ним. Точно так же, как Релия в тот день.

"Эй, иди уже. Идиот".

Побуждал его Каяс. Энлайк последовал за ним, несмотря на мучительную неохоту, которую ощущал.

С этого дня Энлайк смотрел на Кумолу иначе, чем раньше.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/92625/3014611>